

Хотелось бы, чтобы к нам относились более корректно и с пониманием. А впрочем, разве что-нибудь теперь меня утешит? Это мой крест, моя кара...»

Дневники Саши полны первых переживаний о возлюбленной. Не зная как признаться ей в любви, он исписал страницы тетради, слагая поэтические строки. Он искал в небе звезду, чтобы назвать ее именем, чтобы рассказать Вселенной о своих первых и сильных чувствах, ради которых ему было не жаль даже жизни.

«...Мне туда пока нельзя, ведь жизни путь только начался», «...Мне совсем не страшно смерти, мне только жалко мою мать».

Блаженный от влюбленности, он искал разделения своих открытий у природы, в тех замечательных походах, в какие он ходил со сверстниками. Ночь напролет просиживая с телескопом в горах Алтая, изучая небо, смотря на звездные россыпи и полеты комет, он верил: «Я твоим именем звезду ту назову, и обязательно ее я для тебя найду». Он подарил возлюбленной своей цветы, сорванные на высокой горе, сравнивая свою девушку со всем божественно чистым и красивым, что могла подарить ему судьба. И вот этой очаровательной жизни суждено было оборваться...

Отрывок из письма, адресованного матери:

«Привет, мам! Вот наконец-то получил возможность воспользоваться почтовыми услугами и дать о себе весточку, которую ты, наверняка, ждалась. Но, увы, если бы я мог писать чаще... О службе, конечно, писать не буду, но скажу одно — все отлично, да и со здоровьем порядок. В общем, все нормально. Примерно в конце марта — начале апреля буду уже дома, а может, и еще раньше... Может, больше и писать не придется. Еще раз повторюсь, что с почтой туговато.

Передавай всем привет, так как писать всем возможности нет. Ну, пока. До скорого... Саша».

А то, что вы прочтете ниже, — это послание с войны. Но это не письмо, а, скорее, страничка из дневника. Его нашли в кармане солдатской гимнастерки 19-летнего Саши Дмитриенко, погибшего от пулевого ранения в сердце. Написанное на клочке бумаги, оно залито его кровью:

«Думал ли я когда-нибудь раньше, что мне

придется воевать по-настоящему, рискуя жизнью? Вряд ли. Дома, когда забирали в армию, то рассчитывал отслужить положенный срок в тихой мирной глубинке нашей России. Так по сути и было, но вот уже под конец службы я очутился здесь. Вот до сих пор не соображу толком, что это произошло...

11 декабря 1994 года вечером я вернулся с караула, когда впервые услышал весть о том, что 5 человек нашего батальона отправляют в Чечню. Ну, думаю, завтра не будет отбоя от желающих. Так оно по сути дел и было, рапортов исписали много. Я, честно сказать, не понимал их, что им там надо, заменить тихую, мирную, спокойную жизнь на войну? Романтики, что ли, захотели? Каково их родителям? Но как там все ни старались, судьба в лице комбата и замполита распорядилась иначе... Боялись открыто сказать, куда посылают, сказали, еду в Екатеринбург. Вот и приехал. Поначалу, конечно, мы в Свердловск и приехали, где две недели собирались в дорогу. О, какие это были дни! Недоедали, недосыпали. У меня даже мороз по шкуре идет. Но эти дни прошли, и вскоре мы оказались в пути. Об этом рассказывать неинтересно. Четверо суток отсыпались в дороге...»

На этой фразе запись обрывается...

Саша был обыкновенным парнем, играл на гитаре, любил смотреть на звездное небо, искал свою счастливую звезду, мечтал, писал стихи.

Единственный сын у матери...

Александр Дмитриенко

ПРЕДЧУВСТВИЕ

На дворе глухая тишина,
И на улице не видно ни черта.
Вдруг мелькнула где-то тень.
И кому же здесь ходить не лень?
Он идет с поникшей головой.
А на улице мороз — хоть вой.
Не от счастья темною тропой,
А от горя он идет такой.
На него летит неслышно снег.
Человек готов идти хоть век,
Потому что он любил,
Но любимым никогда не был.
Он ушел, осталась тишина.
И по-прежнему не видно ни черта.
Только ветер дует ему вслед,
Увлекая за собою белый снег.